

Сертакова Екатерина Анатольевна

ассистент кафедры культурологии
Гуманитарного института
Сибирского федерального университета
тел.: (950) 433-59-60

**КУЛЬТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ
А. ЛЕФЕВРА В СВЕТЕ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОЦИАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА**

Аннотация:

В статье рассматриваются основные идеи производства социального пространства в теории французского культурного географа и философа Анри Лефевра, а также раскрывается влияние, которое они оказывают на развитие современного гуманитарного знания.

Ключевые слова:

культурная география, пространство, производство пространства, репрезентация пространства, пространство города.

Sertakova Ekaterina Anatolyevna

Teaching Fellow of Cultural Studies Department,
Institute of the Humanities of
Siberian Federal University
tel.: (950) 433-59-60

**H. LEFEBVRE'S
CULTURAL GEOGRAPHY
IN THE CONTEXT OF
HUMANITY STUDIES OF
THE CITY SOCIAL SPACE**

The summary:

The article introduces the underlying concepts of social space producing in the works of Henri Lefebvre, who was French cultural geographer and philosopher, and the influence these concepts have been exerting on present humanity studies development.

Keywords:

cultural geography, space, space producing, space representation, space of the city.

В последние годы в современном гуманитарном знании происходят значительные преобразования. Ученые пришли к выводу, что сегодня наибольшее количество важных для науки и человечества открытий можно совершить в рамках междисциплинарных исследований. Именно на стыке разных научных подходов и, более того, разных областей научного знания можно обнаружить новые научные факты, которые способны изменить многое – от методологии проводимых исследований до научной теории в целом. В качестве наглядного примера многие современные исследователи, такие как Д. Харви, Х. Долорес, Д.Н. Замятин и Н.А. Черняева, отмечают переход, произошедший в научном сообществе, где изменился сам способ мышления – мышление временными координатами склонилось к координатам пространственным. И если раньше в рассмотрении многих процессов господствовали цивилизационный и формационный подходы, то теперь на первый план вышли подходы пространственные, придающие значение не времени, а месту. Так называемые «географические» подходы в науке могут рассматриваться разнообразно, имея в виду и исследования конкретных пространств земного шара (районов, городов, стран, континентов), и образных, символических пространств (пространств общения, смысла, знания и т.д.).

По мнению исследователя Д.Н. Замятина [1], в зависимости от используемой методологии, различные направления исследований можно объединить в четыре самостоятельные группы: философские, гуманитарно-научные, гуманитарно-географические и естественнонаучные. Одним из наиболее интересных представляется рассмотрение пространственно-географического подхода в методологии гуманитарных и социальных наук. Его появление и развитие связывают с культурной географией – новой дисциплиной, основанной на стыке сразу нескольких наук: географии, социологии, антропологии, философии и культурологии. В данной дисциплине изначально ставили цель – изучить культуру и выявить закономерности ее распределения по земной поверхности, соотнести неповторимые формы культуры с естественным географическим обликом – ландшафтом. Методологией для культурной географии выступили некоторые положения и изыскания трудов французских постструктуралистов, марксистов и британских политэкономистов. В результате их обобщения был сформулирован основополагающий тезис данной дисциплины, гласящий, что «пространство» есть социальный продукт, учитывающий различные детерминанты (экономические, политические, культурные и т.д.) результат деятельности социума, который, однако, скрывает условия своего производства и предстает перед тем же социумом в качестве натурального, естественного творения природы.

Сегодня культурной географией занимаются по всему миру. В Европе это исследователи Д. Хусон и Д. Хосгров, в Америке – Д. Харви, М. Мартинс, Ф. Джеймисон, М. Готтдиенер,

Л. Лофланд, в России – Д.Н. Замятин, Н.А. Черняева, В.Н. Стрелецкий, Ю.А. Веденин, Р.Ф. Туровский и многие другие. Именно их работа и задает тон современной гуманитарной науке.

В своей работе все эти исследователи, так или иначе, опираются на идеи, обозначенные первооткрывателем культурной географии – французским культурным географом и философом-неомарксистом Анри Лефевром. Только начиная работать над созданием теории культурной географии, критикуемый многими коллегами, А. Лефевр уже в середине XX столетия отметил, что человечество находится на перекрестке эволюции, который должен привести ученых к пониманию особой роли городской социологии.

Несмотря на достаточно плодотворную научную работу А. Лефевра, которая насчитывает сотни публикаций, самой значительной является написанная им в 1974 г. работа «Производство пространства». В ней он акцентировал внимание на том, что пространство – это ни сколько физическое явление, сколько культурное, не появившееся вдруг и получившее после этого устойчивые неизменные черты и характеристики, а вновь и вновь создаваемое людьми, подверженное многочисленным изменениям в процессе своего экономического и культурного функционирования.

«В истории и в обществе нет ничего, что не было бы приобретено и произведено. Сама «природа», какой она предстает органам чувств в общественной жизни, модифицируется, то есть производится. Люди производят юридические, политические, религиозные, художественные, философские и идеологические формы. Следовательно, производство в широком значении включает в себя многочисленные творения и различные формы, даже если эти формы не несут на себе клейма производителя или производственного процесса» [2, с. 5]. Люди как общественные существа производят свою жизнь, свою историю, свое сознание и свой мир, то есть пространство вокруг себя.

А. Лефевр приходит к мнению, что любое производство пространства содержит в себе определенный набор пространственных практик, совмещающий типы распределения капитала, человеческих ресурсов и способы организации семейной и общественной жизни в пространстве какого-либо места или населенного пункта. Обусловленные различными факторами общественного развития пространственные практики могут меняться или менять при этом сами факторы.

Помимо воспроизводства пространства, ученый обращает внимание на понятие «репрезентации пространства», того, каким образом и в каких формах оно может себя представлять. Репрезентация пространства, по мнению А. Лефевра, воплощается посредством образного языка знаков и символов. Подобную кодификацию окружающего социум пространства разрабатывают и воплощают в жизнь профессионалы, владеющие этим языком (культурным кодом) – архитекторы, планировщики, скульпторы, художники, ученые. Затем эти коды начинают считывать все остальные, и репрезентация начинает воплощаться уже посредством восприятия этих созданных знаков и символов обывателями, повседневная жизнь которых неотъемлемо связана с этим сконструированным пространством. Лефевр даже определил пейзаж городской улицы как «социальный текст», в котором заключена подробная информация о социуме, взаимодействующим с этим пространством.

И производство, и репрезентацию соединяет и синтезирует в себе само пространство – репрезентированное и представленное в качестве естественной среды обитания социума, но на самом деле, произведенное и созданное через культурные практики, и знаковую работу специалистов.

Получившаяся трилогия (производство – репрезентация – пространство) у А. Лефевра приобретает дальнейшее развитие. Исследователь пишет, что все три составляющие сильно взаимообусловлены и взаимосвязаны, и зачастую переходят друг в друга. «Пространство – результат последовательности или комплекса операций, оно несводимо к простому объекту. Являясь результатом действий, совершенных в прошлом, оно само позволяет действиям происходить, побуждая их или запрещая. Среди этих действий одни связаны с производством, другие – с потреблением, то есть с использованием результатов производства» [3, с. 8].

Так, репрезентация сконструированного пространства становится для рядовых жителей своего рода производством этого пространства. Говорить о наличии пространства, не воспринимая его в качестве представленного нечто – не имеет смысла. Только в процессе своего восприятия и приятия пространство обретает статус своего существования, становится обозначенным и наполненным. Этот процесс разворачивается следующим образом: в начале индивид становится реципиентом, воспринимающим представленное ему пространство посредством органов чувств. Он наблюдает, прислушивается к нему, чувствует его запах, устанавливает тактильную связь, начинает ощущать его присутствие. Затем он начинает осмысливать свои чувства, пытаться понять значение увиденных им знаков и символов. Проводя своеобразную рефлексивную работу над воспринятым, он выстраивает в голове определенные умозаключения. Простран-

ство наполняется неким смыслом, становится определенного рода понятием для человека. Далее он начинает непосредственно проживать пространство, чувствовать себя неотъемлемой его частью, а пространство частью себя. Однако в этом процессе нельзя усмотреть последовательное развитие линейного типа. Процесс производства пространства скорее замкнут и образует циклическую структуру, так как вовсе не значит что проживание пространства – это закономерный итог. Ведь в зависимости от многочисленных условий, может меняться восприятие пространства, и его ощущение. На одно и то же место человек в отдельности или социум в целом может смотреть по-разному в разные моменты своей жизни, понимая и воспринимая по-разному знаки и коды, в нем зашифрованные. Поэтому производство пространства (восприятие – осмысление – проживание) – процесс достаточно динамичный и изменчивый.

Обращаясь к новым способам производства, профессионалы создают и новые типы пространства, заключающие в себе, основанный на старом, новый преобразованный пространственный код. Этот код устанавливает новую знаковую систему в пространстве, новый язык, новые правила его восприятия. Приводя в пример знаменитые итальянские города – Венецию и Тоскану, полевые исследования в которых он проводил совместно с учениками Д. Галеви, Л. Шевалье и Р. Дюмоном, А. Лефевр отмечает, что они полностью отражали в своем устройстве все самые важные изменения, происходившие в экономике и культуре. Так, при смене феодальной системы ранним торговым капитализмом средневековая Тоскана превратилась в ренессансный город. Изменилась планировка городских улиц, появились новые типы зданий, значительно изменился их внешний и внутренний вид, появились новые районы, некоторые, напротив, навсегда исчезли с карты Тосканы. В совокупности все эти знаки породили новый пространственный код города, который могли считывать и как жители Тосканы, так и приезжие из других регионов граждане. Изменение пространства произошло на всех уровнях – от частных жилых помещений до административных зданий города. Вся территория Тосканы преобразилась в целом, все составляющие ее элементы были переосмыслены в духе нового времени. Поэтому составляющий их пространственный код стал несколько одним из способов чтения и интерпретации пространства, сколько способом жизни в этом пространстве и также способом его производства.

Таким образом, трехсоставная конструкция пространства, с одной стороны, говорит о сложности данного феномена, с другой – позволяет в зависимости от задач исследования сконцентрироваться на каком-либо одном из его составляющих. Например, отечественный культуролог И.И. Митин утверждает, что для гуманитарных наук подход А. Лефевра очень важен. Особенно, если дело касается исследования пространства жизни социума конкретного города, либо другого населенного пункта.

Ссылки:

1. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М., 2006.
2. Лефевр А. Социальное пространство / перевод из книги: Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. Ch. II. § 1. P. 83–96. Опубликовано в журнале «Неприкосновенный запас» 2010. № 2 (70).
3. Там же.

References (transliterated):

1. Zamyatin D.N. Kul'tura i prostranstvo. Modelirovanie geograficheskikh obrazov. M., 2006.
2. Lefevre A. Sotsial'noe prostranstvo / translation from the book: Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Anthropos, 1974. Ch. II. § 1. P. 83–96. Published in "Neprikosnovennyi zapas" 2010. No. 2 (70).
3. Ibid.